

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-731-746

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ РОССИИ: ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ И ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОВТОРНОГО КЕЙС-СТАДИ*

О.Б. Божков¹, И.В. Троцук^{2,3}

¹Социологический институт (филиал ФНИСЦ) РАН
ул. 7-я Красноармейская, 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Россия

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

³Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, 84, Москва, 119571, Россия
(e-mail: olegbozh@gmail.com; irina.trotsuk@yandex.ru)

В статье представлены первые результаты полевых экспедиций 2018 года в рамках проекта, нацеленного на оценку проблем и перспектив функционирования двух наиболее значимых социальных институтов российского села — местной власти и предпринимательства — с точки зрения доминирующих сценариев их взаимодействия и роли в сохранении и стабилизации положения сельских территорий. Анализ практик согласования интересов местной власти и предпринимательства на локальном уровне важен для отслеживания соотношения формального и неформального в жизни сельских территорий, поскольку реальные механизмы взаимодействия властных институций и ключевых акторов местных сообществ нередко отличаются от нормативно установленных правил, если формальные инструменты не в состоянии решить проблемы сельского социума. Запланированный трехлетний исследовательский цикл призван повторить полевые экспедиции десятилетней давности, т.е. речь идет о повторном кейс-стади, в котором сочетаются количественный и качественный подходы (статистические данные и методы включенного наблюдения и полуформализованных интервью), а в качестве кейса выступают конкретные населенные пункты, репрезентирующие особенности нечерноземных регионов России (зона «черных пятен» российского пространства, где процессы депопуляции приобрели практически необратимый характер). Авторы кратко суммируют выводы первых полевых экспедиций (кардинальное изменение состава властных структур и набора их полномочий, разрушение экономических связей, зависимое положение местного самоуправления в силу его финансовой и правовой несостоятельности и т.д.), чтобы обрисовать контекст сравнительного анализа, и описывают свои первые впечатления о нынешней полевой экспедиции по старым адресам (сопоставлены масштабы и успешность предпринимательской деятельности в разных районах, обозначены факторы, таковые детерминирующие, — героические усилия местных властей, появление новых молодых и активных предпринимателей, переориентация производства на более востребованные и коммерчески успешные ниши и т.д.).

Ключевые слова: социология села; административные реформы; социально-экономические последствия; местное самоуправление; сельскохозяйственное производство; взаимодействие сельского бизнеса и власти

* © Божков О.Б., Троцук И.В., 2018.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00568 «Модели взаимодействия сельскохозяйственного бизнеса и местной власти: механизмы воспроизводства предпринимательского слоя и элементов неформальной экономики в зоне Нечерноземья».

Статья поступила в редакцию 26.08.2018 г.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

В последние годы российские средства массовой информации часто используют «мифологизаторский» дискурс для описания сельской жизни, причем он вариативен и может содержать как позитивные (спокойная деревенская жизнь на лоне природы), так и негативные оценки (депрессивные опустевшие деревни), манипулируя и объективными данными, и жанровыми журналистскими зарисовками по мотивам «включенного наблюдения». Отчасти привлекательность и устойчивость подобных мифологизаций обусловлена «статусом» сельской жизни в нашем урбанизированном мире, где восприятие современным человеком пространства за границами городов нередко представляет собой «набор тщательно поддерживаемых фантазий» [17. С. 24—25]: «сельской местности досталась роль зеленого „второго плана“, и городские власти во все времена стремились эту неурбанизированную часть пространства контролировать, чтобы не допустить перебоев с поставками продовольствия («синдром осажденной крепости»); наши города давно переросли возможности своей сельской округи и зависят от продовольственного импорта из разбросанных по миру «сельских окрестностей», поэтому идеализированный пасторальный образ сельской местности не соответствует реальному индустриализированному ландшафту (необозримые поля, огромные парники, промышленные корпуса и загоны интенсивного животноводства).

Другой причиной мифологизаций является отсутствие однозначных оценок хода и результатов постсоветского аграрного реформирования: одни авторы прямо ставят в упрек когорте постсоветских реформаторов развал (и олигархизацию) сельского хозяйства; другие пытаются максимально беспристрастно исследовать ход и результаты российской аграрной реформы, и решается эта задача в принципиально разных, но взаимодополняющих перспективах — (историко-)экономической [см., напр.: 16; 19] и (междисциплинарно-)социологической [см., напр.: 5; 25]. Второй подход предпочтительнее не в силу отсутствия оценочной тональности (она в нем присутствует, но не является критически-смещенной), а по причине гуманистического пафоса — надежды на сохранение сельских сообществ через поиск «новых точек сборки коллективности.., компромисса между экономической выгодой и социальной стабильностью» [15. С. 57].

Любые социальные трансформации неизменно сопровождаются изменениями социальных, экономических и политических институтов, и эти изменения могут быть стремительными или медленными, глубокими или поверхностными, содержать стимулы для дальнейшего движения или воспроизводить элементы прежней системы, дополняя их новым социально-экономическим содержанием. Фундаментальная задача нашего проекта — оценка проблем и перспектив функционирования двух наиболее значимых общественных институтов российского села — местной власти и предпринимательства — с точки зрения доминирующих сценариев их взаимодействия или противостояния, которые определяют их ключевую роль в сохранении и стабилизации (или же в обратных процессах) положения сельских территорий. Анализ практик согласования интересов местной власти и предпринимательства на локальном (муниципальном) уровне важен для понима-

ния логики развития и функционирования нынешних институциональных структур и прогнозирования их дальнейшего развития. Изучение механизмов институционализации (и легитимации) властно-предпринимательских отношений важно не только само по себе (для понимания и заимствования опыта сохранения и воспроизводства сельских сообществ), но и для отслеживания соотношения формального и неформального в жизни сельских территорий, поскольку реальные механизмы взаимодействия властных институций и ключевых акторов местных сообществ нередко имеют структуру, отличную от нормативно установленных правил и требований к муниципальным властям и предпринимательской деятельности. Более того, неформальные практики нередко превалируют над формальными именно потому, что вторые не в состоянии решить проблемы сельского социума.

Данное утверждение рассогласуется с тенденцией последних лет в научной и публицистической литературе, когда констатируется постепенное исчезновение или сокращение сферы неформальных практик (в качестве примеров-обоснований приводится истончение добрососедских связей и коммодификация все большего спектра услуг, ранее получаемых через сеть неформальных связей, т.е. захват инструментами рационализации сферы повседневных решений [см., напр.: 24]). Однако мы убеждены, что обычные люди, не всегда принимая наилучшие для себя решения, посредством неформальных механизмов и вариативного использования нормативных и правовых инструментов, способны совершать разумные шаги, через ошибки и неформальные договоренности становясь более компетентными и ответственными (рациональными), а потому предпочитают неформальные практики как наиболее удобные для жизни [см., напр.: 3; 21].

Таким образом, несмотря на практико-ориентированный характер проекта, он решает и фундаментальную задачу диагностики логики развития сельских сообществ в постсоветский период через призму взаимодействия социально-экономических агентов и властных институций, формальных (нормативных) механизмов и неформальных (обыденных) практик.

ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ

Изучение взаимодействия институтов местной власти и предпринимательства в постсоветской России позволяет оценить работоспособность тех аналитических подходов и методологических принципов, которые сегодня используются для эмпирического исследования подобного взаимодействия, и предложить иные модели сравнительного анализа, учитывающие условия деятельности социальной группы сельских предпринимателей и факторы воспроизводства сельского предпринимательства в разных социально-экономических условиях (кризисных и стабилизационных). Сравнительный характер проекта (с некоторой натяжкой его можно квалифицировать как панельное исследование, учитывая сохранение выборки кейсов) позволит обобщить массивы данных, сконцентрировав анализ на регионе рискованного земледелия, — Нечерноземье.

Актуальность исследования определяется и другими причинами: во-первых, сегодня очевидны кризисные явления в российской экономике, особенно на фоне

поставленных правительством задач по импортозамещению технологий и продовольствия и модернизации агропромышленного комплекса, что, несомненно, актуализирует, наряду с прикладными разработками, фундаментальные вопросы о причинах сельскохозяйственных кризисов и путях их преодоления, о взаимосвязях аграрной политики и региональных и локальных моделей аграрного развития, которые складываются в разных районах России под влиянием разных природно-климатических и социально-экономических условий, о позитивном и негативном воздействии исторического опыта XX века на современные реалии.

Во-вторых, в последнюю четверть века в России усиливаются разнонаправленные процессы дифференциации в использовании сельскохозяйственных земель. Экономисты и географы выделяют в сельской России так называемые «территории роста» (увеличение или стабилизация плотности населения при относительно небольшом сокращении или расширении обрабатываемых сельхозугодий и при увеличении урожайности), «территории стагнации» (уменьшение плотности населения на фоне сокращения сельхозугодий и стагнации урожайности) и «территории сжатия» (уменьшение плотности населения при значительном сокращении сельхозугодий и стагнации урожайности) [см., напр.: 8; 9; 10; 12].

К сожалению, даже по этим весьма обобщающим социально-пространственным характеристикам мы имеем лишь приблизительные сведения, не позволяющие сформировать целостную типологию вариантов трансформации сельских регионов. Наше исследование призвано реконструировать картину трансформаций сельских сообществ в наиболее проблемном с точки зрения аграрного развития регионе страны — Нечерноземье (выступает как «критический кейс» [см., напр.: 6; 20]), акцентируя потенциал неформальной экономики, поскольку она может выступать в двух ипостасях: и как инструмент противостояния местных сельских сообществ навязываемым «сверху» (государством, рынком или международным бизнесом) моделям социально-экономического развития («оружие слабых» в терминологии Дж. Скотта [4; 24]); и, наоборот, как инструмент максимально безболезненного и успешного встраивания сельских сообществ в новый социально-экономический контекст, в том числе благодаря активности местных предпринимателей.

Наше исследование в полном смысле инициативное: во-первых, по собственной инициативе в конце 1990-х группа коллег начала разработку компьютерной программы для построения генеалогических деревьев — в 1997 году была подана заявка на получение гранта РФФИ по конкурсу инициативных проектов, а в 1999-м, когда был закончен первый проект, была подана заявка на проект по отладке разработанной программы в режиме полевого исследования — экспедиций в деревни бассейна реки Молога.

В ходе «генеалогических» проектов мы были поражены бедственным состоянием обследуемых районов, что заставило нас осознать недостаточность академической повестки и ее оторванность от жизненных реалий, которые были отражены в последующих проектах, поддержанных РГНФ, — «Руководители среднего и низшего уровней государственного и экономического управления в условиях кардинальных экономических и политических реформ» и «Социально-культурные факторы процесса трансформации современной российской деревни

(на материале Северо-западного региона)», в рамках которых для сбора эмпирических данных группа исследователей ежегодно в течение трех летних месяцев 2005—2008 годов выезжала в полевые экспедиции для сплошного опроса глав муниципальных образований (местное самоуправление) и руководителей сельскохозяйственных предприятий. В зону обследования вошли семь районов: Максатихинский и Лесной — в Тверской области, Пестовский — в Новгородской, Устюженский, Кадуйский и Бабаевский — в Вологодской и Бокситогорский — в Ленинградской. Было опрошено 175 человек (100 глав сельских поселений и 75 руководителей сельхозпредприятий разной формы собственности). В первую очередь нас интересовало взаимодействие сельского бизнеса и власти, его влияние на развитие сельских территорий (1).

В 2018 году при поддержке РФФИ мы решили повторить экспедиционную часть проекта, чтобы отследить изменения в моделях взаимодействия институтов местной власти и предпринимательства, в сценариях воспроизводства предпринимательского слоя как механизма сохранения и поддержки сельских сообществ. Свое исследование мы позиционируем, с одной стороны, как повторное кейс-стади (что требует сочетания количественного и качественного подхода, в нашем случае — статистических данных и методов включенного наблюдения и полужформализованных интервью), с другой стороны — как междисциплинарное в плане теоретико-методологических оснований. В качестве кейса выступают конкретные населенные пункты, репрезентирующие особенности нечерноземных регионов России (такой подход общепризнан в социологии села [см. подробнее в: 18] и применяется для решения разных исследовательских задач, например, для реконструкции способов борьбы сельских сообществ за выживание посредством симбиоза коллективных и семейных хозяйств и двойственных взаимоотношений крупных и фермерских предприятий — одновременно конкурентных и партнерских [5]).

Безусловное преимущество кейс-стади состоит в том, что данная тактика не отрицает важность статистических показателей для формирования представления о значимых региональных и общероссийских тенденциях социально-экономического плана, а отрицает достаточность лишь такой аналитической «оптики», поскольку она создает весьма артефактуальную картину, которая мало что говорит о том, чем и как живет реальный сельский житель. Для понимания сути проблем российского села и типологизации диверсифицированных вариантов индивидуального и группового приспособления и социального ориентирования в новых жизненных условиях нужно дополнить статистическую картину более «мягкой» и «сфокусированной» исследовательской «оптикой» [см., напр.: 22], которая, в частности, показывает, что сельские жители — не пассивные объекты реформаторского воздействия.

Что касается междисциплинарности проекта, то речь идет о комбинации элементов разных концептуальных подходов, в частности:

— теоретико-методологических оснований изучения роли предпринимателя и предпринимательской функции в рыночной экономике, а также экономического разделения предпринимательства на производительное и непроизводительное (последнее основано, в том числе, и на использовании административного ресурса);

— положений институционального подхода, согласно которому институциональная среда формирует для предпринимателей «правила игры», определяет наиболее эффективные средства и стратегии предпринимательской деятельности в конкретных условиях, однако без учета характера соотношения формальных и неформальных составляющих институтов, в том числе предпринимательства, нельзя понять механизмы их развития; соответственно, неформальные отношения сопровождают деятельность формальных институтов, компенсируя неизбежные сбои в их функционировании, становятся неотъемлемым компонентом деятельности рыночных акторов и часто оказываются наиболее значимыми и эффективными, а потому в большей степени определяют характер взаимодействия между ветвями власти и бизнесом, чем формальные нормативы, официально действующие в административном поле;

— принципов изучения административного пространства в теории организационных полей и институционального изоморфизма, а также сетевых отношений и силы межличностных связей; в российской традиции прослеживается дифференцированное отношение представителей органов власти к предпринимателям, основанное на персонифицированном взаимодействии (социальные сети взаимной поддержки и услуг разной степени коррумпированности и легальности), т.е. можно говорить о конфигурации институтов, определяющей формы и способы взаимодействия экономических и властных акторов — это патрон-клиентские отношения, основанные на административном капитале и являющиеся неформальной стороной формального порядка, они асимметричны, однако взаимовыгодны и потому устойчивы;

— аргументов теории власти-собственности о статусной обусловленности доступа к экономическим ресурсам, т.е. фактически о добровольной принудительности официального партнерства малого и среднего бизнеса и нижних этажей власти;

— акцента неинституционального подхода на степени реализации прав собственности и роли государства в обеспечении собственности и развитии рынков, т.е. если право собственности не уважается и не признается другими (в частности, чиновниками), легальное владение правом не превращается в институт, а в России не до конца решен вопрос о правах землепользования и в целом неочевидно, что государство вообще гарантирует права собственности — отсюда вопросы о возможности воспроизводства той социальной группы, существование которой напрямую связано с гарантией таких прав (прежде всего предпринимательского слоя);

— элементов теории принципал-агентских отношений (ресурсный обмен между разными уровнями власти) в оценке роли местной власти в структуре российской властной вертикали, для которой характерна концентрация ресурсов на вышестоящих уровнях, существенное различие между объемом муниципальных агентских контрактов и наличных ресурсов для их реализации; динамичное развитие бизнеса на местном уровне оказывается одной из составляющих успешной деятельности муниципальных властей, однако у них нет достаточных средств

и реальных рычагов управления для развития бизнеса на своей территории, поскольку реформы муниципального самоуправления пошли по пути огосударствления местной власти.

Помимо включенного наблюдения и экспертных интервью в ходе экспедиций 2005—2008 годов велась постоянная работа в районных архивах и статистических управлениях — для сбора и анализа информации, начиная с 1958 года. Этот год в качестве стартовой позиции был избран не случайно — именно в этом году партия и правительство, пожалуй, впервые за много лет обратили серьезное внимание на сельское хозяйство и издали постановление «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» от 18 апреля 1958 года № 425. При всех недостатках тогдашней (да и современной) статистики «сухие цифры» позволили получить правдоподобную картину развития сельских территорий: во всех обследованных районах численность населения систематически сокращалась, особенно интенсивно — начиная с 1970-х годов (рождаемость падала, а смертность росла).

Так, в рамках проекта «Руководители среднего и низшего уровней управления в условиях кардинальных экономических и социально-политических реформ» были проанализированы статистические данные более чем за сорок лет по двум районам Тверской области (Максатихинский и Лесной) и одному району Новгородской области (Пестовский). Официальные данные о движении населения, а также архивные статистические материалы показали быстрые темпы естественной убыли, характерные для регионов Нечерноземья на фоне отсутствия миграционного притока переселенцев из республик бывшего СССР и депрессивных территорий России и наличия скрытой трудовой миграции (приезжают «нелегалы» из Средней Азии, что на короткое время решает проблему нехватки трудовых ресурсов, но не помогает умирающему сельскому хозяйству).

Чтобы понять траекторию и механизмы депопуляционных процессов, мы обратились к показателям развития основных элементов инфраструктуры (учреждений образования, культуры, здравоохранения и т.п.): управленческая политика на селе в 1990—2000-е годы сводилась к волюнтаристскому укрупнению/разукрупнению сельхозпроизводств, порождая «перекосы» в размещении объектов инфраструктуры и практически неизбежно ведя к деградации небольших сельских поселений. В определенные моменты темпы свертывания объектов инфраструктуры, обусловленные социально-плановыми нормативами, становились важным фактором снижения привлекательности села, способствуя, с одной стороны, прямому оттоку населения из сел, а с другой — заметному снижению качества сельского человеческого капитала.

Заметный «вклад» в обезлюдение села внесла и политика «стирания различий между городом и деревней», в частности, строительство городских многоэтажек, которое кардинально ломало привычный уклад сельской жизни. Справедливости ради следует отметить, что в обследованных нами районах многоэтажки не строили, однако жилищная и строительная политика в немалой степени способствовала размыванию целого ряда традиций сельского совместного общежития и неформальной соседской взаимопомощи.

Обследованные нами районы попали в зону «черных пятен» российского пространства, где процессы депопуляции приобрели практически необратимый характер, о чем свидетельствовала и противоречивая (отчасти обреченная) мотивация сельских жителей, связанная с построением жизненных планов детей и внуков.

Можно выделить несколько причин убыли сельского населения: во-первых, «жесткая привязка» к сельским территориям (официально до 1974 года не имели паспортов) приводила к тому, что наибольшие шансы уехать из села имели мальчики, достигшие призывного возраста (при призыве председатель колхоза/сельсовета был обязан передать их паспорта военкомам) — после демобилизации они отказывались сдавать паспорт и получали возможность уехать из села, которой, как правило, пользовались, поскольку развивающейся в крупных городах промышленности и строительству (при экстенсивном режиме развития) не хватало рабочих кадров — промышленность, как мощный насос, «откачивала» население не только из ближайших сельских пригородов, но и из отдаленных районов, причем в последние предперестроечные годы возможности сельских территорий были практически исчерпаны.

Во-вторых, уже в 1950-е годы появилось понятие «неперспективные деревни» и началось укрупнение колхозов, а в укрупненных сельских поселениях под девизом «сближения города и деревни» начали строить городские пятиэтажки со всеми городскими удобствами — в результате был разрушен традиционный уклад сельской жизни: жилье оказалось оторванным от огородов и хозяйственных построек, где можно было содержать крупную и мелкую скотину. Кроме того, вместе с укрупнением колхозов вся социальная инфраструктура (школы, больницы, дома культуры, библиотеки и т.п.) стягивались в центральные усадьбы, обрекая другие населенные пункты на тихое умирание даже несмотря на то, что в 1970-е годы в сельское хозяйство вливались большие средства на обновление парка сельхозтехники, механизацию и автоматизацию сельскохозяйственного производства, мелиорацию и удобрения. В целом перевод сельского хозяйства на промышленные рельсы не удался, в том числе и потому, что село рассматривалось исключительно как поставщик дешевых ресурсов и сырья, а окончательная переработка продукции сельского хозяйства по-прежнему концентрировалась в городах (преимущественно крупных).

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ ПЕРВЫХ ПОЛЕВЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Прошлые экспедиции позволили зафиксировать кардинальное изменение состава властных структур после перестройки: место прежде всемогущих райкомов и обкомов партии заняли советы народных депутатов — как власть законодательная — и муниципалитеты — как власть исполнительная, но они лишились права что-либо диктовать промышленным и сельскохозяйственным предприятиям.

Многие респонденты винили в бедственном положении села именно перестройку, и она действительно стимулировала и ускорила процесс развала сельского хозяйства, прежде всего стремительным и непродуманным переходом от социализма к капитализму и рынку. Например, в 2006 году глава поселения

в Пестовском районе Новгородской области рассказала, что ее муж был директором одного из крупнейших в районе свиноводческих совхозов (около 3 тысяч голов), и, когда началась гайдаровская «шоковая терапия», оказалось, что традиционные поставщики кормов их не поставили, а цены на корма резко подскочили (были «отпущены»): директор объехал пол-России, нашел корма, но когда вернулся, кормить было уже почти некого — закончилось все для директора инфарктом, а для поселения — развалом прежде преуспевающего хозяйства. Предположения реформаторов, что «рынок сам все расставит по местам», а свободная инициатива фермеров будет эффективнее коллективных хозяйств, оказались слишком наивными для постсоветских реалий. Изучая в районных архивах документы, мы пытались проследить историю отдельных хозяйств, но в чехарде укрупнений и разукрупнений разобраться не удалось.

Параллельно с разрушением экономических связей между хозяйствующими субъектами прошла, по сути, стихийная приватизация. На городских промышленных предприятиях она была почти виртуальной и ничем реально не обеспеченной — люди получили ваучеры, которые стоили копейки, не понимая, что с ними дальше делать. Однако на селе приватизация была отчасти реальной — многие бывшие колхозники получили за ваучеры сельскохозяйственный инвентарь и приватизировали почти всю технику, что была «на ходу». На балансе колхозов и совхозов остались откровенный металлолом и никому в личном хозяйстве не нужные коровники, гаражи, мастерские и прочие здания, поддерживать которые было дорого и хлопотно. Тем временем поголовье скота и площади пашни резко сокращались, а налоги начислялись из «плановых» показателей, поэтому долги колхозов и совхозов перед государством неизбежно росли. В конце 1990-х — начале 2000-х годов, чтобы «законным» путем избавиться от долгов, хозяйства начали менять свой статус, переименовывались и переоформлялись из колхозов в СПК, потом в ООО, ЗАО, а то и просто в КФХ, причем часто под давлением районного начальства. В первую очередь, в ходе этих преобразований списывались с баланса «новых» хозяйствующих субъектов фермы, гаражи и прочие здания (еще раньше с балансов колхозов были выведены объекты сельской социальной инфраструктуры).

Усугубил и без того плачевное положение сельских территорий Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года, в который постоянно вносятся уточнения и изменения (последнее — от 3 августа 2018 года). Органы местного самоуправления, особенно на селе, оказались крайне депривированы — с урезанными полномочиями и практически без финансирования. К тому же они не входят в «вертикаль власти» и не относятся к системе государственного управления, а потому сегодня местное самоуправление зависимо буквально от всех — и «сверху», и «снизу».

Бесконечные уточнения и новые редакции 131 закона привели к следующим результатам: территориальное укрупнение сельских муниципальных образований сократило возможности связи органов местного самоуправления с населением;

передача многих их функций на уровень районов лишило их возможности оперативно решать актуальные для населения вопросы; нищенское финансирование лишило местное самоуправление независимости. Там, где власть (районного и областного уровней) хотя бы пыталась выстраивать политику взаимодействия с местными предпринимателями (например, в Пестовском районе Новгородской области, Устюженском и Бабаевском районах Вологодской области), успешные хозяйства преобладали среди реально действующих, однако в целом руководители муниципальных образований (поселений) в силу своей финансовой и правовой несостоятельности практически никак не могли влиять на успешность действовавших на их территории сельскохозяйственных предприятий.

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОВТОРНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

Благодаря поддержке РФФИ мы получили возможность проехать по старым адресам и посмотреть, что реально изменилось за прошедшие десять лет и каковы векторы изменений. Если в 2006 году мы начинали экспедиции с Максатихинского района Тверской области, то в 2018-м поехали сначала в Бокситогорский район Ленинградской области и в Бабаевский район Вологодской области, а далее в Кадуйский и Устюженский районы. По плану продолжения проекта в 2019—2020 годы мы посетим Пестовский район Новгородской области, а затем Лесной и Максатихинский районы Тверской области.

Бокситогорский район еще помнит вмешательство В.В. Путина в дела Бокситогорского и Пикалевского комбинатов, которое в 2009 году на время приостановило их банкротство, однако сейчас оба предприятия снова находятся в критическом состоянии. Районные власти предприняли поистине героические усилия, чтобы изыскать возможности организовать другое эффективное производство на территории района, и обратили внимание на сельское хозяйство: в районе, как и десять лет назад, работает четыре сельхозпредприятия в статусе сельскохозяйственных производственных кооперативов (СПК), но теперь мы обнаружили еще около двадцати крестьянско-фермерских хозяйств (КФХ), которые занимаются мясным и молочным животноводством, а также овцеводством, кролиководством, рыбоводством и разведением индюков. Таким образом, расширился ассортимент сельскохозяйственной продукции, хотя не все из направлений одинаково успешны.

Одна из основных проблем новых фермеров — сбыт продукции, которая плохо востребована, потому что фермерам не удается пробиться в торговые сети, в основном ориентированные на большие объемы (конечно, у фермеров много проблем, но сбыт беспокоит их больше всего). Некоторый оптимизм вселяет то обстоятельство, что среди новых фермеров преобладают молодые люди в возрасте 28—42 лет — они полны энтузиазма, хотя отдают себе отчет в стоящих перед ними трудностях.

В соседнем Бабаевском районе Вологодской области картина иная: из одиннадцати действовавших здесь в 2008 году хозяйств сохранились лишь семь: в двух хозяйствах сменились руководители — один новый, в другом на смену отцу при-

шел сын; одно хозяйство второй год находится в процессе банкротства; два хозяйства в течение последних лет сменили профиль деятельности и теперь не занимаются сельхозпроизводством; одно хозяйство прекратило существование по причине смерти руководителя. Относительно недавно здесь появились четыре новых крестьянско-фермерских хозяйства, три из которых возглавили молодые люди: вроде бы «баланс сошелся» — было одиннадцать хозяйств, и теперь одиннадцать, однако нам еще предстоит оценить качество произошедших изменений и их последствия.

В Кадуйском районе Вологодской области изменилось почти все — начиная с руководства района и руководителей управления сельского хозяйства: если в Бабаевском районе с пятью руководителями сельхозпредприятий мы были уже знакомы, то здесь никого из тех, с кем мы беседовали около десяти лет назад, уже не встретили. Так, ООО «Нива» было продано в Череповецкий район, КФХ Н.В. Пудовой, созданное в 2015 году, в 2017-м было обанкрочено, на месте бывшего ООО «Надежда» теперь создано КФХ Г.С. Спириной, которая категорически отказалась разговаривать с нами, а в СПК «Колхоз Андога» сменилось руководство, и у нового председателя мы взяли интервью. Руководитель отделения «Андроново» ООО «Русь» была больна, но мы смогли побеседовать с механиком этого отделения и с бухгалтером, получив подробную информацию о хозяйстве. Из трех недавно созданных КФХ мы смогли побеседовать только с двумя руководителями — один категорически отказался от встречи.

В целом и в этом районе складывается впечатление, что произошедшие изменения имеют нулевой баланс — существенного развития сельского хозяйства не наблюдается. Кроме того, ввиду предстоящего закрытия в 2021 году Кадуйской ГРЭС как убыточного предприятия перспективы района весьма проблематичны, скорее всего его руководству предстоит либо озаботиться созданием новых градообразующих предприятий, либо кардинальной переориентацией на развитие сельскохозяйственного производства.

Устюженский район в 2007 году на общем печальном фоне вселял надежду, что село имеет шансы не только на выживание, но и на развитие: здесь только в одном селе было зарегистрировано 46 фермерских хозяйств. Из двенадцати крупных хозяйств, обследованных нами прежде, в 2018-м году мы обнаружили восемь хозяйств и одно новое, но его руководителем оказалась Фаина Вениаминовна Крестьянинова из Кадуйского района, которая родилась в Устюженском районе и вернулась сюда в 2008 году, объяснив свое решение так: *«Вот я в шесть утра уезжала каждый день, сама за рулем... И мне как-то вот стало не по себе, думаю, уезжаю — темно, приезжаю — темно... все брошено. И вот как-то я задумалась... и потом поняла, что хозяева-то которые были вот этого предприятия, они как-то относились не очень, не хотели дальше что-то развивать, а здесь меня в Устюжне глава все время звал: „Возвращайся в район, возвращайся в район“»*. Но глава районного руководства теперь сменился — прежнего фермеры и председатели СПК вспоминают с уважением, о новом главе района и новых руководителях управления сельского развития отзываются скорее сдержанно.

Три хозяйства сегодня уже не осуществляют сельскохозяйственную деятельность, одно закрылось, а 46 фермерских хозяйств картофелеводческого направления сохранились, но по причине небольших объемов производства не попали в поле нашего внимания. За прошедшие одиннадцать лет наши прежние герои несколько сменили профиль деятельности и теперь занимаются производством не товарного (для потребления) картофеля, а элитных семян, проводя серьезные исследования в области защиты картофеля от бактерий и вредителей и оптимальных режимов удобрения почвы. Картофель — доминирующая в районе культура, но здесь занимаются также животноводством (мясным и молочным), зерноводством и выращиваем льна (традиционной для Вологодчины культуры).

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Выше описаны самые первые впечатления о нынешнем экспедиционном лете, поскольку пока расшифровано (транскрибировано) чуть больше половины интервью и приступить к полноценному анализу мы сможем не раньше ноября. Тем не менее, рискнем сформулировать первые предварительные выводы: несмотря на пессимистические прогнозы наших информантов десятилетней давности (а они отпускали деревне срок жизни еще лет на 7—8), деревня еще жива и напрашивается на осторожные оптимистические прогнозы благодаря приходу молодых фермеров. Оптимизм наш осторожен потому, что почти все проблемы, на которые сельские предприниматели (включая руководителей колхозов, СПК и ООО) сетовали десять лет назад, сегодня не решены — законодательство о земле, сбыт продукции, кадровые вопросы (нехватка рабочих рук и отсутствие квалифицированных специалистов), слабость местной власти. С другой стороны, если десять лет назад государственные и региональные программы поддержки сельского хозяйства в основном лишь декларировались, то теперь они получили реальное воплощение, например, в виде грантов (прежде всего для фермеров), которыми воспользовались предприимчивые сельские жители.

Наиболее острыми проблемами российского села остаются отсутствие государственной поддержки и качество человеческого капитала. Например, один из учредителей кооператива «Устюженский картофель» пытался взять в аренду землю сельскохозяйственного назначения (по кадастру). Участок выделили на территории «взрослого» леса без дорог, и два с половиной года он строил дорогу — прорубил, отсыпал, чтобы можно проехать и приступить к очистке. Но тут Россельхознадзор выписал ему штраф в полмиллиона рублей за то, что в течение трех лет он не сумел использовать землю по прямому назначению. Штраф он заплатил, но от земли пришлось отказаться, потому что для запуска ее в сельскохозяйственный оборот нужно еще как минимум три года, а, значит, еще один немалый штраф, на который у него просто нет денег. Также у этого предпринимателя проблема с кадрами, прежде всего квалифицированными: работают у него все местные, но только разнорабочими (и есть бухгалтер), потому что нет в селе ни агронома дипломированного, ни механика, ни строителя, ни экономиста. К сожалению, на государственном уровне поддержка сельского хозяйства в основном остается декларативной, потому что федеральные законы, как правило, рас-

считаны на «среднюю температуру по больнице», хотя условия ведения сельского хозяйства сильно дифференцированы по климатическим и временным поясам, и региональное законодательство чрезмерно завязано на федеральное и во многом «сковано» им.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) См.: *Божков О., Игнатова С.* Взаимодействие институтов местной власти и предпринимательства на селе // *Петербургская социология сегодня*. СПб., 2015; *Божков О.Б., Игнатова С.Н.* Особенности российской модели модернизации сельских территорий // Седьмые Санкт-Петербургские социологические чтения «Социальные проблемы российского села и аграрных отношений». Пушкин, 2015; *Божков О., Игнатова С.* Осмыслить непредсказуемое прошлое // «Право на имя. Биографика 20 века». СПб., 2015; *Божков О.Б., Игнатова С.Н.* Региональные практики взаимодействия бизнеса и власти (на примере Северо-Запада РФ) // *Крестьяноведение*. 2017. Т. 2. № 1; *Игнатова С.Н., Божков О.Б.* Факторы успешности сельхозпредприятий в экстремальных экономических условиях // *Пути России. Новый старый порядок — вечное возвращение?* Т. XXI. М., 2016; *Игнатова С.Н.* Трудовая биография как объект исследования // *Социологический журнал*. 2016. Т. 22. № 4; *Игнатова С.Н., Божков О.Б.* Взаимодействие институтов местной власти и предпринимательства на селе // *Петербургская социология сегодня*. Вып. 6. СПб., 2015; *Божков О.Б., Игнатова С.Н.* Российский сельскохозяйственный предприниматель: формирование и воспроизводство социальной группы // *Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки*. 2015. Вып. 10. М., 2015.; *Божков О.Б., Игнатова С.Н.* Региональные практики взаимодействия бизнеса и власти (на примере Северо-Запада РФ) // *Крестьяноведение*. 2017. Т. 2. № 1; *Божков О.Б., Игнатова С.Н.* Профессиональные компетенции руководителей муниципальных органов самоуправления // *Петербургская социология сегодня — 2017*. Вып. 8. СПб., 2017.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Барсукова С.* Неформальная экономика. М., 2009.
[2] *Барсукова С. Ю.* Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М., 2015.
[3] *Боулз С.* Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан / Пер. с англ. Д. Шестакова. М., 2017.
[4] *Виноградский В.Г.* «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов, 2009.
[5] *Калугина З.И., Фадеева О.П.* Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск, 2009.
[6] *Козина И.М., Серезкина Е.В.* Концепция кейс-стади в социальных науках и французская традиция монографических исследований трудовых отношений // *Социологические исследования*. 2015. № 1.
[7] *Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России /* Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М., 2016.
[8] *Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы /* Отв. ред. Т.Е. Кузнецова. М., 2009
[9] *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М., 2013.
[10] *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М., 2003.
[11] *Неформальная экономика. Россия и мир /* Под ред. Т. Шанина. М., 1999.
[12] *Пилясов А.Н.* И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. М., 2009.
[13] *Пространственный потенциал в стратегии социально-экономического развития России.* М., 2011.

- [14] Радаев В. Экономическая социология. М., 2005.
- [15] Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016.
- [16] Стародубровская И., Миронова Н. Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы. М., 2010
- [17] Стил К. Голодный город: Как еда определяет нашу жизнь / Пер. с англ. М., 2016.
- [18] Троцук И.В. Возможности метода кейс-стади в изучении социальных проблем села // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2007. № 4.
- [19] Узун В.Я., Шагайда Н.И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М., 2015.
- [20] Флишберг Б. Кейс-стади в контексте качественно-количественной проблематики // Социологические исследования. 2004. № 9.
- [21] Элликсон Р. Порядок без права: как соседи улаживают споры / Пер. с англ. М. Марков, А. Лашев; науч. ред. Д. Кадочников. М., 2017.
- [22] Ястребинская Г.А. Таежная деревня Кобелево. История советской деревни в голосах крестьян: 1992—2002. М., 2005.
- [23] Scott J.C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. Yale University Press, 1985.
- [24] Thaler R.H., Sunstein C.R. Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth and Happiness. Yale University Press, 2008.
- [25] The Postsocialist Agrarian Question. Property Relations and the Rural Condition // Halle Studies in the Anthropology of Eurasia / Hann C., Rottenburg R., Schnepel B., Shimada S. (Eds.) Vol. 1. Lit Verlag, 2003.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-731-746

TENDENCIES OF THE RUSSIAN RURAL AREAS DEVELOPMENT: THE RESEARCH TASK AND FIRST RESULTS OF THE COMPARATIVE CASE-STUDY*

O.B. Bozhkov¹, I.V. Trotsuk^{2,3}

¹Sociological Institute (branch of FCTAS) RAS
7th Krasnoarmeiskaya St., 25/14, Saint Petersburg, 190005, Russia

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

³Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia
(e-mail: olegbozh@gmail.com; irina.trotsuk@yandex.ru)

Abstract. The article presents the first results of field expeditions of 2018 as a part of the project that aims to assess problems and prospects of two most important social institutions of the Russian countryside — local authorities and entrepreneurship — in terms of the dominant scenarios of their

* © O.B. Bozhkov, I.V. Trotsuk, 2018.

The research was supported by the Russian Foundation for Humanities. Project No. 18-011-00568 “Models of interaction of agricultural business and local authorities: Mechanisms of reproduction of the entrepreneurs’ stratum and informal economy in the Non-Black Earth Region”.

The article was submitted on 26.08.2018.

interaction and their role in maintaining and stabilizing the situation in rural areas. Such an analysis of the practices of coordinating the interests of local authorities and entrepreneurship at the local level is important for understanding the balance of formal and informal elements in rural life for the real mechanisms of interaction of government institutions and key actors of local communities often differ from the regulatory rules if the latter fail to solve the problems of rural society. The planned three-year research will repeat the field expeditions of a decade ago, i.e. this is a comparative case study that combines quantitative and qualitative approaches (statistical data, participant observation and semi-formalized interviews), and the cases represent the features of the non-black-earth regions of Russia (where depopulation has become practically irreversible). The authors briefly summarize the findings of the first expeditions (a fundamental change in the composition of power structures, destruction of economic ties, dependent position of local government due to its financial and legal weakness, etc.) to set the context for comparative analysis, and describe their first impressions of the new field expedition to the old addresses (the scale and success of business activities in different areas are compared, factors that determine such activities are the heroic efforts of local authorities, new young and active entrepreneurs, reorientation of production to more popular and commercially successful niches, etc.).

Key words: rural sociology; administrative reforms; social-economic consequences; local government; agricultural production; interaction of rural business and government

REFERENCES

- [1] Barsukova S. *Neformalnaya ekonomika* [Informal Economy]. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [2] Barsukova S.Yu. *Esse o neformalnoy ekonomike, ili 16 ottenkov serogo* [Essay on the Informal Economy, or 16 Shades of Gray]. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [3] Bowles S. *Moralnaya ekonomika. Pochemu khoroshiye stimuly ne zamenyat khoroshih grazhdan* [Moral Economy. Why Good Incentives Are No Substitute for Good Citizens]. Per. s angl. D. Shestakova. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [4] Vinogradsky V.G. *“Orudiya slabyyh”: tekhnologiya i sotsialnaya logika povsednevnogo krestyanskogo suschestvovaniya* [Weapons of the Weak: Technology and Social Logic of Everyday Peasant Life]. Saratov; 2009 (In Russ.).
- [5] Kalugina Z.I., Fadeeva O.P. *Rossiyskaya derevnya v labirinte reform: sotsiologicheskiye zarisovki* [Russian Village in the Maze of Reforms: Sociological Sketches.]. Novosibirsk; 2009 (In Russ.).
- [6] Kozina I.M., Serezhkina E.V. Kontseptsiya keys-stadi v sotsialnyh naukah i frantsuzskaya traditsiya monograficheskikh issledovaniy trudovyh otnosheniy [The concept of case-study in social sciences and the French tradition of monographic studies of labor relations]. *Sotsiologicheskiye Issledovaniya*. 2015; 1 (In Russ.).
- [7] *Mezhdu domom... i domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii* [Between House... and House. Return Spatial Mobility of the Russian Population]. Pod red. T.G. Nefedovoy, K.V. Averkievoy, A.G. Makhrovoy. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [8] *Mnogoukladnost Rossii: istoricheskie korni, sostoyanie i perspektivy* [Multi-forms of the Russian Ways of Life: Historical Roots, State, and Prospects]. Otv. red. T.E. Kuznetsova. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [9] Nefedova T.G. *Desyat aktualnykh voprosov o selskoy Rossii: Otveti geografa* [Ten Actual Questions about Rural Russia: Answers of a Geographer]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [10] Nefedova T.G. *Selskaya Rossiya na pereputie: Geograficheskie ocherki* [Rural Russia at the Crossroads: Geographical Essays]. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [11] *Neformalnaya ekonomika. Rossiya i mir* [Informal Economy. Russia and the World]. Pod red. T. Shanina. Moscow; 1999 (In Russ.).
- [12] Pilyasov A.N. *I posledniye stanut pervymi: Severnaya periferiya na puti k ekonomike znaniya* [And the Last Will be the First: The Northern Periphery on the Way to Knowledge Economy]. Moscow; 2009 (In Russ.).

- [13] *Prostranstvenny potentsial v strategii sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossii* [Spatial Potential in the Strategy of Social-Economic Development of Russia.]. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [14] Radaev V. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [15] *Smysly selskoy zhizni (Opyt sotsiologicheskogo analiza)* [Meanings of Rural Life (A Sociological Analysis)]. Pod red. Zh.T. Toshchenko. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [16] Starodubrovskaya I., Mironova N. *Problemy selskogo razvitiya v usloviyah munitsipalnoy reform* [Problems of Rural Development Under the Municipal Reform]. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [17] Steel C. *Golodny gorod: Kak eda opredelyaet nashu zhizn* [Hungry City: How Food Shapes Our Lives]. Per. s angl. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [18] Trotsuk I.V. *Vozmozhnosti metoda keys-stadi v izuchenii sotsialnyh problem sela* [Case-study's potential in the study of social problems of the village]. *RUDN Journal of Sociology*. 2007; 4 (In Russ.).
- [19] Uzun V.Ya, Shagaida N.I. *Agrarnaya reforma v postsovetskoy Rossii: mekhanizmy i rezultaty* [Agrarian Reform in Post-Soviet Russia: Mechanisms and Results]. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [20] Flyvbjerg B. *Keys-stadi v kontekste kachestvenno-kolichestvennoy problematiki* [Case study in the qualitative-quantitative perspective]. *Sotsiologicheskiye Issledovaniya*. 2004; 9 (In Russ.).
- [21] Ellickson R. *Poryadok bez prava: kak sosedi ulazhivayut spory* [Order without Law: How Neighbors Settle Disputes]. Per. s angl. M. Markov, A. Lashchev; nauch. red. D. Kadochnikov. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [22] Yastrebinskaya G.A. *Taizhnaya derevnya Kobelevo. Istoriya sovetskoy derevni v golosah krestyan: 1992—2002* [Taiga Village Kobelevo. History of the Soviet Countryside in Peasant Voices: 1992—2002]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [23] Scott J.C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. Yale University Press; 1985.
- [24] Thaler R.H., Sunstein C.R. *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth and Happiness*. Yale University Press; 2008.
- [25] *The Postsocialist Agrarian Question. Property Relations and the Rural Condition // Halle Studies in the Anthropology of Eurasia*. Hann C., Rottenburg R., Schnepel B., Shimada S. (Eds.) Vol. 1. Lit Verlag; 2003.